

Раченко В.В.,
слушатель 3 курса,
направление подготовки 40.04.01 Юриспруденция,
ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет
Министерства Внутренних Дел Российской Федерации»
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Rachenko V.V.,
3rd year student, field of study 40.04.01 Jurisprudence,
FGKOU HE "Saint Petersburg University Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation" St. Petersburg, Russian Federation

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые из аспектов применения института освобождения от уголовной ответственности в российском уголовном праве. Основное внимание уделено двум проблемам: допустимости прекращения уголовного дела в связи с примирением с потерпевшим по делам о преступлениях, затрагивающих не только частный, но и публичный интерес, а также определению момента начала течения сроков давности по делящимся и продолжаемым преступлениям. Автор обосновывает вывод о необходимости более точной нормативной дифференциации условий освобождения от уголовной ответственности: суд должен оценивать не только поведение виновного по отношению к потерпевшему, но и степень восстановления публично-правового интереса, если он выступает основным объектом охраны. Отдельно предлагается закрепить в уголовном законе общие правила исчисления сроков давности по сложным единичным преступлениям.

Ключевые слова. Освобождение от уголовной ответственности, принцип неотвратимости ответственности, примирение с потерпевшим,

двухобъектные преступления, публичный интерес, сроки давности, длящиеся преступления, продолжаемые преступления, уголовная политика.

SELECTED ISSUES OF THEORY AND PRACTICE EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY

Annotation. The article examines some of the aspects of the application of the institution of exemption from criminal liability in Russian criminal law. The main focus is on two issues: the permissibility of terminating a criminal case due to reconciliation with the victim in cases of crimes that affect not only private but also public interests, and the determination of the moment when the statute of limitations for ongoing and repeated crimes begins to run. The author substantiates the conclusion that it is necessary to provide for more precise normative differentiation of the conditions for exemption from criminal liability: the court should assess not only the perpetrator's behavior towards the victim, but also the extent to which the public interest has been restored, if it is the primary object of protection. Additionally, it is proposed to establish general rules for calculating the statute of limitations for complex individual crimes in the criminal law.

Keywords. Release from criminal liability, the principle of inevitability of liability, reconciliation with the victim, two-object crimes, public interest, statute of limitations, ongoing crimes, continuing crimes, and criminal policy.

Вопрос об освобождении от уголовной ответственности неизбежно связан с более широким вопросом о пределах уголовно-правового регулирования оснований и форм реакции государства на совершенное преступление. Уголовный закон не может рассматриваться только как механизм принуждения: он одновременно должен обеспечивать охрану общественных отношений, восстановление нарушенного правопорядка и

разумную экономию репрессии. Поэтому идея неотвратимости ответственности не означает обязательного назначения наказания во всех случаях, когда формально установлен состав преступления. Ее содержание шире: государственная реакция должна последовать, но форма этой реакции может быть различной и зависит от характера деяния, личности виновного и его поведения после преступления.

Такое понимание особенно важно применительно к главе 11 УК РФ, где закреплены основания освобождения от уголовной ответственности. По своей юридической природе они не отменяют факта совершения преступления и не реабилитируют лицо, однако позволяют отказаться от дальнейшего уголовного преследования, если цели уголовно-правового воздействия могут быть достигнуты без обвинительного приговора и наказания. В этом проявляется не отказ государства от охраны правопорядка, а выбор более мягкого и одновременно достаточного способа реагирования.

С учетом сказанного, институт освобождения от уголовной ответственности следует рассматривать как правовой инструмент согласования трех начал: неотвратимости реакции государства, гуманизма и справедливости. Если первое начало требует, чтобы преступление не оставалось юридически «безразличным», то гуманизм и справедливость предполагают учет последующего поведения лица, возмещения вреда, примирения с потерпевшим и утраты общественной опасности конкретной ситуации. Именно поэтому механическое применение норм об освобождении, без оценки объекта посягательства и фактически восстановленных отношений, способно исказить смысл рассматриваемого института.

Одной из наиболее дискуссионных остается ситуация, когда основанием прекращения уголовного преследования называется примирение с потерпевшим. В соответствии со статьей 76 УК РФ такое освобождение возможно при наличии совокупности условий: преступление должно быть совершено впервые, относиться к категории небольшой или средней тяжести,

виновный должен примириться с потерпевшим и загладить причиненный ему вред [1]. Однако практические трудности возникают тогда, когда вред причинен не только конкретному лицу, но и публичным отношениям, охраняемым уголовным законом.

В качестве примера обычно приводятся преступления, предусмотренные статьями 318 и 319 УК РФ. При их анализе важно точнее определить объект посягательства. В теории уголовного права преступления, помещенные в главу 32 УК РФ, связываются не только с авторитетом государственной власти, но и с нормальной деятельностью органов власти, органов местного самоуправления и их представителей. Для статьи 318 УК РФ основным непосредственным объектом выступает установленный порядок деятельности представителя власти при исполнении им служебных обязанностей, а дополнительным объектом - здоровье, телесная неприкосновенность либо безопасность потерпевшего. Для статьи 319 УК РФ основным объектом также является нормальное функционирование и авторитет публичной власти в лице ее представителя, а дополнительным - честь и достоинство конкретного потерпевшего. Такой подход согласуется с позициями авторов, рассматривающих порядок управления как самостоятельный объект уголовно-правовой охраны [13; 14].

Следовательно, по делам данной категории нельзя ограничиваться вопросом о том, принесены ли извинения представителю власти и возмещен ли личный вред. Даже если потерпевший принял извинения, публичный интерес может оставаться нарушенным, поскольку деяние подрывает установленный порядок исполнения властных полномочий. При этом из данного тезиса не следует абсолютный запрет на применение статьи 76 УК РФ. Более точной представляется иная позиция: возможность освобождения должна зависеть от категории преступления и от того, насколько суд установил восстановление не только частного, но и публичного аспекта нарушенных отношений.

Так, по ст. 319 УК РФ и по ч. 1 ст. 318 УК РФ применение статьи 76 УК РФ в принципе возможно, если соблюдены требования о категории преступления и совершении деяния впервые. Иная ситуация складывается по ч. 2 ст. 318 УК РФ, - поскольку насилие, опасное для жизни или здоровья, относится к более высокой степени общественной опасности и не укладывается в общий предел статьи 76 УК РФ, то корректнее говорить не о недопустимости освобождения от уголовной ответственности по всем делам о преступлениях против представителя власти, а о необходимости более строгой судебной проверки условий такого освобождения.

В судебной практике действительно встречаются решения, в которых прекращение дела мотивируется примирением виновного с конкретным представителем власти, принесением извинений и возмещением вреда. Например, по одному из дел суд признал возможным освободить лицо от уголовной ответственности по статье 76 УК РФ после того, как были установлены примирение и заглаживание причиненного вреда [4]. Однако такая мотивировка выглядит недостаточной, если в ней не раскрыто, каким образом суд оценил вред, причиненный публичному порядку управления. В этом вопросе мы согласны с авторами, которые предостерегают от автоматического переноса правил о примирении на двухобъектные преступления [8; 12]. Вместе с тем их позицию следует уточнить: наличие публичного объекта не должно само по себе блокировать статью 76 УК РФ, но должно усложнять предмет судебной оценки.

На мой взгляд, при решении вопроса о прекращении дела суду целесообразно отдельно указывать, какие действия виновного свидетельствуют о заглаживании публично-правового вреда. Это могут быть не только извинения перед потерпевшим, но и публичное признание противоправности поведения, возмещение подтвержденных расходов органа или учреждения, устранение последствий воспрепятствования служебной деятельности, иные действия, показывающие восстановление уважения к установленному порядку управления. Государство в таком случае не

обязательно выступает потерпевшим в процессуальном смысле, но охраняемый им публичный интерес должен быть отражен в мотивировке судебного решения.

В связи с этим представляется целесообразным дополнить Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» [2] указанием на особенности двухобъектных преступлений. Суть такого уточнения могла бы состоять в следующем: по делам, где основным объектом является публичный порядок, суд при оценке заглаживания вреда проверяет не только позицию потерпевшего, но и характер мер, направленных на восстановление нарушенного публичного интереса. Такое решение позволило бы избежать двух крайностей: с одной стороны - формального прекращения дел только по факту извинений, с другой - неоправданного отказа от применения гуманистического механизма там, где общественная опасность реально снижена.

Вторая группа проблем связана с освобождением от уголовной ответственности вследствие истечения сроков давности. Общее правило статьи 78 УК РФ формулируется через истечение определенного срока со дня совершения преступления [1]. На первый взгляд оно достаточно определено, однако применительно к сложным единичным преступлениям возникает вопрос: какой момент считать днем совершения преступления, если противоправное состояние сохранялось длительное время либо преступление состояло из ряда тождественных действий.

Особенно показательны длящиеся и продолжаемые преступления. Длящееся преступление начинается с действия или бездействия, образующего состав, но затем выражается в непрерывном сохранении противоправного состояния. Поэтому срок давности логично связывать не с первым днем нарушения обязанности, а с моментом фактического прекращения этого состояния. Иной подход создавал бы необоснованную

возможность истечения срока давности в период, когда лицо еще продолжает реализовывать преступное поведение.

Продолжаемое преступление имеет другую структуру: оно состоит из двух или более тождественных деяний, объединенных единым умыслом. В такой ситуации срок давности должен исчисляться с момента совершения последнего из действий, входящих в единый преступный замысел. Такой подход позволяет отличать продолжаемое преступление от совокупности самостоятельных преступлений и не дробить единый умысел на искусственные эпизоды.

Ранее эти правила во многом выводились из доктрины и судебной практики. В приговоре Саратовского областного суда от 17 декабря 2012 г. по делу № 2-15/2012 суд исходил из того, что при продолжаемом преступлении значение имеет последнее действие, охватываемое единым умыслом [5]. Сходная логика прослеживается и в апелляционном постановлении Московского городского суда от 18 ноября 2016 г. по делу № 10-18896/2016 [6]. Эти судебные акты не следует представлять как решения по одному делу; они лишь демонстрируют общий подход разных судов к определению момента окончания продолжаемого преступления.

Существенное значение имеет постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12 декабря 2023 г. № 43. В нем разъяснено, что длящиеся и продолжаемые преступления являются разновидностями единого сложного преступления; для длящегося преступления момент фактического окончания связывается с прекращением противоправного состояния по воле лица, вопреки его воле либо вследствие наступления юридически значимого события; для продолжаемого преступления момент фактического окончания определяется совершением последнего из тождественных деяний [3]. Эти разъяснения важны, потому что напрямую связывают квалификацию таких преступлений с исчислением сроков давности и вопросом об освобождении от ответственности.

Тем не менее, разъяснения, данные в постановлении Пленума не снимают проблему полностью. Во-первых, текст статьи 78 УК РФ не изменён, там по-прежнему отсутствует специальное правило для сложных единичных преступлений. Во-вторых, разъяснения не всегда позволяют провести границу между продолжаемым преступлением и совокупностью преступлений, поскольку единство умысла, временной разрыв и тождественность действий требуют оценки обстоятельств каждого дела. В-третьих, правоприменитель по-прежнему сталкивается с вопросами доказывания момента фактического прекращения длящегося состояния.

Поэтому более последовательным было бы законодательное закрепление общих дефиниций длящегося и продолжаемого преступлений либо, как минимум, специального правила в статье 78 УК РФ. Такое правило могло бы указывать, что по длящемуся преступлению срок давности исчисляется с момента фактического прекращения противоправного состояния, а по продолжаемому - с момента совершения последнего тождественного деяния, объединенного единым умыслом. Подобное уточнение не перегружало бы закон, но уменьшило бы зависимость правоприменения от разрозненных доктринальных подходов.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о гуманистической природе давности. Сроки давности действительно препятствуют бесконечному уголовному преследованию, учитывают изменение личности виновного и утрату прежней актуальности деяния. Однако гуманизм не должен превращаться в формальный аргумент в пользу освобождения там, где преступление отличается высокой общественной опасностью или посягает на уязвимых потерпевших. Поэтому корректировка сроков давности по отдельным категориям преступлений должна осуществляться не ради усиления репрессии как таковой, а ради сохранения разумного баланса между правовой определенностью, интересами потерпевших и задачей охраны общественной безопасности.

Представляется, что в отношении тяжких преступлений против общественной безопасности, половой неприкосновенности, несовершеннолетних, а также иных деяний с длительно сохраняющимися последствиями законодатель вправе устанавливать специальные правила давности. При этом формулировки закона должны быть предсказуемыми: лицо должно понимать, с какого момента начинается течение срока, а потерпевший и государство - в каких пределах сохраняется возможность уголовного преследования. Такой подход точнее выражает баланс гуманизма и справедливости, чем общее рассуждение о необходимости усиления ответственности.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что дальнейшее развитие института освобождения от уголовной ответственности должно идти не по пути расширения или сужения его применения в целом, а по пути более точного описания условий для отдельных групп ситуаций. По делам о двухобъектных преступлениях суду необходимо мотивированно оценивать как примирение с непосредственным потерпевшим, так и восстановление публичного интереса. При исчислении сроков давности по длящимся и продолжаемым преступлениям требуется законодательная определенность, поскольку именно от момента окончания преступления зависит допустимость освобождения лица от уголовной ответственности. В совокупности эти меры позволят сделать применение рассматриваемого института более последовательным, а соотношение неотвратимости ответственности, гуманизма и справедливости - менее декларативным.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 (ред. от 29.11.2016) «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 8.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.12.2023 № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о дящихся и продолжаемых преступлениях» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2024. № 2.

4. Постановление Левобережного районного суда г. Липецка от 30.07.2020 по делу № 1-208/2020 № 1-142/2019 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.03.2026).

5. Приговор Саратовского областного суда от 17.12.2012 по делу № 2-15/2012 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.03.2026).

6. Апелляционное постановление Московского городского суда от 18.11.2016 по делу № 10-18896/2016 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.03.2026).

7. Благов Е. В. Основание освобождения от уголовной ответственности // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 7 (92). С. 161-168.

8. Бикташев Д. И. Институт освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим: вопросы теории и практики // Инновации. Наука. Образование. 2022. № 51. С. 471-478.

9. Махортова В. К. Понятие и сущность освобождения от уголовной ответственности // Вестник Академии управления и производства. 2025. № 3. С. 543-549.

10. Табаков Д. А. Некоторые проблемы уголовной ответственности за преступления, предусмотренные ст. 318 и 319 УК РФ // АВБсП. 2015. № 4. С. 21-23.

11. Федченко Е. В. Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим // Молодежь XXI века: образование, наука, инновации. 2025. С. 309-311.

12. Шатилович С. Н. Вопросы освобождения от уголовной ответственности при примирении соучастников «двухобъектного»

преступления с потерпевшим // Научные исследования высшей школы: сборник тезисов докладов и сообщений на итоговой научно-практической конференции. Тюмень: Тюменский юридический институт МВД России, 2011. С. 159-161.

13. Лобанова Л. В. Порядок управления как объект уголовно-правовой охраны и классификация преступлений, на него посягающих // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2012. № 1 (16). С. 100-107.

14. Железнякова С. И. Объект преступлений, посягающих на жизнь, здоровье, честь и достоинство представителя власти // Молодой ученый. 2022. № 44 (439). С. 115-117.

15. Герасимова Е. В., Петрова И. А. Освобождение от уголовной ответственности: учебное пособие. Вологда: Северо-Западный институт (филиал) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 2025. 193 с.

16. Ображиев К. В. Юридическая природа и признаки длящегося преступления // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15. № 4. С. 442-455.